

УДК 82.09
DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-186-192

Рецензия на книгу:
Гучинова Э.-Б.М. У каждого своя Сибирь:
Рассказы калмыков о ссылке.
М.: ИЭА РАН, 2024. 466 с.

Дария А. Агеева

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, adar11ag@yandex.ru

Дата поступления статьи: 29 марта 2025 г.

Дата публикации: 26 декабря 2025 г.

Для цитирования: Агеева Д.А. [Рец.:] Гучинова Э.-Б. У каждого своя Сибирь: Рассказы калмыков о ссылке. М.: ИЭА РАН, 2024. 466 с. // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025. Т. 8. № 4. С. 186–192. DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-186-192

Book review:
Guchinova E.-B.M. U kazhdogo svoya Sibir': Rasskazy kalmykov o ssylke [Everyone has their own Siberia. Kalmyks' stories about exile], Moscow: IEA RAN, 2024. 466 p.

Dariya A. Ageeva

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, adar11ag@yandex.ru

Received: March 29, 2025

Date of publication: December 26, 2025

For citation: Ageeva, D.A. (2025), [Book review]: "Guchinova E.-B.M. U kazhdogo svoya Sibir': Rasskazy kalmykov o ssylke" [Everyone has their own Siberia. Kalmyks' stories about exile], Moscow: IEA RAN, 2024. 466 p.", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 8, no. 4, pp. 186–192, DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-186-192

© Агеева Д.А., 2025

Новая книга доктора исторических наук Э.-Б.М. Гучиновой «У каждого своя Сибирь: Рассказы калмыков о ссылке» посвящена важной, однако до сих пор недостаточно исследованной теме депортации калмыков в Сибирь (1943–1956 гг.) и памяти о ней.

Издание состоит из двух частей. Первая включает предисловие, написанное доктором исторических наук, академиком В.А. Тишковым, введение и четыре главы, посвященные анализу нарративов о депортации и языку травмы. Во второй части представлены тексты двадцати шести интервью, записанных автором от калмыков, которые были высланы.

В первой главе дана общая характеристика анализируемых рассказов о депортации, подробно описаны возрастные когорты рассказчиков, специфика их повествования и избирательность памяти о Сибири.

Среди своих собеседников Э.-Б. Гучинова выделяет три когорты. Первая объединяет калмыков, высланных в возрасте от двенадцати лет и старше. Их социализация прошла в Калмыкии. Представители этой когорты подробно рассказывают о жизни до войны, дне выселения и пути в Сибирь. В воспоминаниях этих людей отпечатались фамилии и имена комендантov, у которых им нужно было регулярно отмечаться. Во вторую когорту попали высланные в возрасте приблизительно от пяти до двенадцати лет. Многие представители второй когорты прошли социализацию в двух средах: еще дома на калмыцком языке и на русском уже среди сибирского населения. Они рассказывают об отношениях с учителями и одноклассниками в школе, о стратегиях адаптации к большому обществу, о выборе вуза и трудностях поступления и, наконец, о возвращении в Калмыкию, которая не сразу пришла по им душе. Концентрация травматического в рассказах второй когорты выше, чем у первой и третьей когорт. В их рассказах травма проявляется через воспоминания о голоде, всевозможных лишениях, болезнях и множестве смертей. Третья когорта объединяет детей, которые были еще совсем маленькими, когда покидали Калмыкию, и тех, кто родился уже в ссылке. Их социализация прошла в Сибири. Они родились после войны, не знали трудностей депортации и голода первых лет, но испытывали проблемы со своей этнической идентификацией, для формирования которой у них не было практически ничего. Материальная и духовная культура, фольклор калмыков были недоступны им во времена взросления.

Повествование о депортации ведется на двух языках: русском и калмыцком. Последний автор называет «языком темы». Рассказчики переходили на калмыцкий, когда говорили об особенно щепетильных вопросах, потому что на русском (официальном) языке такие темы не обсуждаются. У многих рассказчиков

с сибирских времен осталась отличительная нарративная черта: уточнение, на каком расстоянии от места проживания находились места, о которых они рассказывают. Так отражается реакция на длительное ограничение в свободе передвижения: калмыкам запрещалось отходить от дома дальше, чем на пять километров. Другой чертой нарратива о травме является глорификация. Калмыки рассказывают о своих родственниках-фронтовиках, как бы споря с прошлыми обвинениями в измене, показывая готовность их мужчин защищать Родину, которую они никогда не предавали. Почти все тексты о депортации насыщены разными проявлениями телесного.

Во второй главе Э.-Б. Гучинова выделяет встречающиеся в каждом рассказе опорные сюжеты и нарративные сбои. Как правило, повествование начинается с выселения калмыков из их домов во время операции «Улусы» 28 декабря 1943 г., на следующий день после подписания указа «О ликвидации Калмыцкой АССР и образования Астраханской области в составе РСФСР». Многие тогда не понимали, что происходит, а потому не смогли надлежащим образом собраться перед предстоящей дорогой. Кому-то солдаты не позволили этого сделать. В результате люди не только оказались без пищи, теплых вещей и других предметов, необходимых для выживания, но и лишились почти всей материальной культуры своего народа. Часто акцент в воспоминаниях о том дне делается на утрате скота – важной части скотоводческой идентичности. «Лишиться скота, который невозможно было взять с собой, означало потерять труды всей жизни, как, например, сегодня потерять все денежные накопления» (с. 52). Помимо самих рассказов, автор также анализирует язык официальных документов, связанных с депортацией. В них калмыки обозначались максимально обезличенно при помощи таких слов, как «спецконтингент», «живой спецгруз» и даже «товар». Э.-Б. Гучинова отмечает, что дегуманизация вышла за пределы печатного слова и проявилась в отношении солдат к репрессированным.

Дорога в Сибирь – также обязательный сюжет любого рассказа о депортации. В народной памяти она осталась самым тяжелым испытанием – «дорога в две-три недели дала время почувствовать катастрофу, обострила тяготы и опасности экстремальной ситуации» (с. 57). Автор указывает, что воспоминания о дороге в Сибирь напоминают описание классического обряда перехода. Пребывание в вагоне для скота с грубо сколоченными нарами, где были нарушены все базовые нормы жизни, соответствует лиминальной фазе обряда, когда калмыки уже не были полноправными гражданами, но еще не приобрели новый гражданский статус – репрессированной этнической группы. «Если лиминальные состояния

в обрядах перехода были направлены на повышение индивидуальных статусов, в данной исторической ситуации мы имеем дело с понижением группового статуса, что усилило травматичность памяти об этом, вызванную экзистенциальными рисками существования всей группы» (с. 60).

Э.-Б. Гучинова выделяет еще один опорный сюжет: частые упоминания о представителях других народов, оказавшихся в том же положении, что и высланные калмыки. Отношения с ними складывались особым образом. Они разделяли схожую судьбу высланных народов, им не нужно было объяснять друг другу свою невиновность и наложенные на них ограничения. Однако чаще других фигурируют в рассказах русские, особенно те, которые поступали достойнее и человечнее других представителей своего народа.

Важным событием в жизни репрессированного народа, практически лишенного своей культуры и презентации в культуре массовой, стала передача калмыцкой музыки по Всесоюзному радио 10 июня 1956 г. «Калмыцкий концерт» свидетельствовал о прекращении стигматизации калмыцкой культуры. Тогда многие представители третьей когорты впервые услышали калмыцкую музыку.

Последним опорным сюжетом выступает возвращение в Калмыкию. Многие вспоминают радость, которую испытывали старики. Для них возможность вернуться была праздником. Но не все калмыки разделяли по этому поводу схожие эмоции. Анализируя нарратив о возвращении, Э.-Б. Гучинова показывает, что у каждой когорты действительно была своя Сибирь. Для старшего поколения, высланного из дома и помнящего о том, каково это – быть калмыком до 1943 г. – жизнь там была тяжелым этапом, оборвавшим жизнь многим, казавшимся в тот момент бесконечным, но все же подошедшим к концу. Уезжая, они возвращались домой. Однако дети, покинувшие Калмыкию совсем маленькими или родившиеся уже в период депортации, покидая Сибирь, оставляли позади малую родину. Им было трудно привыкнуть к жизни на родине своих предков. У представителей второй и третьей когорт «любовь к сибирской природе, среди которой они выросли, складывалась естественным образом, а любовь к степям Калмыкии должна была родиться и закрепиться в течение некоторого времени», – пишет Э.-Б. Гучинова (с. 79). Вернувшись, они столкнулись с бытовыми отголосками государственных обвинений. Хотя в 1956 г. с калмыков были сняты все ограничения, указ о реабилитации народа так и не появился. В сознании славянских жителей республики осталась память о том, что калмыки были высланы как виновные. Детям еще предстояло пережить ту травму, которую уже пережили их родители.

Третья глава посвящена языку травмы. Автор выявляет свойственную рассказам о депортации образность, грамматику, специфику лексики, исследует прагматику этого языка. Э.-Б. Гучинова указывает на такие признаки травматического в рассказах, как лексика смерти и упоминание разного рода нечистот. Причиной смерти в таких рассказах часто становятся несчастные случаи, которые могли бы быть предотвращены. Они дают понять, что смерть, по крайней мере в первые годы ссылки, подстерегала калмыков на каждом шагу. Тема испражнений, которая отсутствует в рассказах о нормальной жизни, свидетельствует о травматическом воздействии событий давнего прошлого и подчеркивает нечеловеческий статус высланных. О нем также свидетельствуют автосравнения с разными животными и упоминания кризисной еды. В периоды голода калмыкам приходилось есть падаль и животных, не предназначенных для употребления в пищу, тем самым нарушая существующие в культуре табу. Для понимания того, как калмыки ощущали свою идентичность в период репрессий, показательной представляется приводимая Э.-Б. Гучиновой цитата из интервью: «Я – калмычка, а ты – без ноги. Что мы будем за семья?» (с. 94). Принадлежность к «наказанному народу» воспринималась в тот период как ущербность.

Важной особенностью нарратива о депортации, которую выявляет Э.-Б. Гучинова, является то, что сам термин «депортация» используется ее собеседниками гораздо реже, чем слова «ссылька», «высылка» и особенно «выселение», отражающее не столько процесс изгнания из дома, сколько статус репрессированного. Она также отмечает, что некоторые рассказчики стремятся вовсе уйти от терминов, используя почти эзопов язык. Для всех воспоминаний характерно использование безличных глагольных форм, показывающих, что человек, говоря о себе, распространяет этот опыт на все свое сообщество. Другое характерное качество – преобладающее использование пассивного залога, подчеркивающего зависимую роль человека и этнической группы.

В четвертой главе показано, как калмыки запомнили стигму этнической идентичности и в чем состояли их стратегии выживания и адаптации. Э.-Б. Гучинова описывает низовые практики исключения калмыков. Почти в каждом приведенном рассказе упоминаются слухи о каннибализме, которые, как предполагает автор, специально распространялись «сверху», чтобы демонизировать калмыков для местного сибирского населения, маркировать их как «чужих», поскольку обвинение в госизмене для того контингента значило мало. Показателем того, что калмыки в глазах других не обладали полностью человеческим статусом, были подозрения в том, что они понимают язык животных. Монголоидная внеш-

ность была причиной насмешек в неформальной среде. Одним из последствий этого стало изменение представлений о красоте внутри калмыцкой культуры: со временем привлекательной стала считаться наиболее европеоидная внешность. Этничность стала преградой для свободного выбора профессии: спецпереселенцы могли поступать преимущественно в сельскохозяйственные вузы. Стигматизированная калмыцкая культура ушла в приватную сферу. Таким образом скрывались не только элементы материальной и духовной культуры, но и калмыцкие имена, для которых в публичном пространстве создавались русифицированные аналоги. В кризисных условиях, чтобы иметь возможность сохраниться, культурные стандарты должны были быть гибкими. Автор приводит ярко иллюстрирующий эту гибкость пример с девочкой, которой мать позволила в школьные годы вместо одной косы носить две – символ взрослой женщины в калмыцкой культуре. Это было сделано для того, чтобы девочка могла продолжать ходить с длинными волосами, важными для калмыцких женщин, но при этом не выделяться на фоне своих одноклассниц.

Среди стратегий адаптации Э.-Б. Гучинова выделяет свободное владение русским языком, который мог быть использован как язык социальной реабилитации. Тренд на использование русского языка привел к тому, что часть представителей второй и третьей когорт уже не владела калмыцким языком так хорошо, как старшие родственники. Также способами выживания выступали «практики помалкивания», характерные для всех репрессированных семей того времени, и написание коллективных писем. Для того чтобы подобные письма имели успех, необходимо было обладать правовой грамотностью и уметь «говорить по-большевистски». В тяжелых условиях особенно востребованным оказывалось чувство юмора и буддийское смирение. Важной стратегией социальной адаптации было сверхсердие во всем, желание быть достойным членом общества.

Книга «У каждого своя Сибирь. Рассказы калмыков о ссылке», несомненно, представляет большую научную и общественную значимость. Отдельно хочется отметить язык, которым она написана. Э.-Б. Гучинова не уходит в чрезмерную академичность, очень точно и емко использует термины, что делает книгу понятной и доступной для чтения не только фольклористам, этнологам, антропологам, историкам, но и людям, находящимся за пределами научного сообщества. Автору удалось рассказать об очень сложной теме простым языком, оставаясь при этом в строгих исследовательских рамках. Еще одним достоинством работы являются приложенные рассказы о депортации, к чтению и пониманию глубины которых автор постепенно подготавливает читателей

на протяжении всего анализа. Книга поможет не только разобраться в трагических событиях в истории нашей страны, но и станет для кого-то ответом на вопрос о себе, инструментом для проживания травмы, каким она стала для самой Э.-Б. Гучиновой.

Информация об авторе

Дария А. Агеева, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; *adar11ag@yandex.ru*

ORCID ID: 0009-0000-5234-3097

Information about the author

Dariya A. Ageeva, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; *adar11ag@yandex.ru*

ORCID ID: 0009-0000-5234-3097